

Современное положение ретороманского в Швейцарии

За термином «ретороманский» в названии статьи кроется одна из основных проблем, с которыми сталкивается романист, приступая к исследованию данного лингвистического ареала. В работах, посвященных ретороманскому материалу, можно встретить по меньшей мере три варианта терминологических словосочетаний, за которыми стоят соответственно три позиции в решении вопроса об определении статуса ретороманского. Термин «ретороманский язык» может использоваться для обозначения совокупности трех основных разновидностей (или вариантов) ретороманского: швейцарской, тирольской и фриульской. Каждая из этих разновидностей (вариантов) может называться языком; в таком случае речь идет о ретороманских языках. Наконец, в ряде работ разновидности ретороманского признаются диалектами итальянского языка.

Терминологическая неясность при интерпретации ретороманского лингвистического материала наблюдалась уже у Г. И. Асколи — пионера ретороманистики. Как известно, первая работа, посвященная ретороманскому лингвистическому ареалу, была написана именно этим ученым. Составившая первый том основанного им журнала «*Archivio glottologico italiano*» (1873), она называлась «Ладинские очерки» («*Saggi ladini*»).

Не подозревая о том, что материал его исследования станет впоследствии почвой, из которой вырастет так называемый «ладинский вопрос», которым будут порой с неадекватной горячностью заниматься некоторые его коллеги-соотечественники, Асколи не видел проблемы в определении статуса ладинского. На первой же странице он пишет: «Под общим названием „ладинская речь“ (*favella ladina*), или „ладинские диалекты“ (*dialetti ladini*), я понимаю ряд романских говоров (*idiomi romanzi*), тесно связанных между собой особой общностью, которые простираются вдоль Альп от Нижнего Рейна до Адриатического моря; территорию, занимаемую этими говорами, я называю „ладинской зоной“» [Ascoli 1873, 1]. Ладинская зона делится на три части: западную (швейцарский кантон Граубюнден), центральную (итальянские области Трентино и Альто-Адидже) и восточную (область на северо-востоке Италии — Фриули). Географически разделенные, они представляют собой как бы три оазиса, свидетельствующие о существовавшей некогда ладинской общности (*continuità ladina*), которая была утрачена вследствие германского влияния с севера и инороманского влияния с юга [*ibidem*].

Хотя анализ Асколи не выходит за пределы исторической фонетики, ни основные фонетические признаки рассмотренных им диалектов,

ни сама классификация последних не были сколь-нибудь значительно дополнены или пересмотрены в последующих работах, так или иначе связанных с ретороманским материалом. «Ладинские очерки» Асколи — не только пионерский, но и основополагающий труд в области ретороманистики.

Через 10 лет после выхода «Ладинских очерков», в 1883 г., как бы в дополнение к описанной Асколи исторической фонетике вышла «Ретороманская грамматика», написанная австрийским романистом Т. Гартнером. Его работа была результатом многолетних полевых исследований, проведенных в более чем шестидесяти населенных пунктах, от северо-западной части ретороманской области кантона Граубюнден в Швейцарии до области Фриули в Италии.

Гартнеру принадлежит заслуга введения термина «ретороманский», образованного по той же модели, что и «иберо-романский», «галло-романский» и т. п.

Само введение термина «ретороманский» несколько сместило акценты в данной области романистики. Назвав ретороманской ту общность, которую Асколи называл ладинской, Гартнер тем самым придал ей бóльшую автономность и, следовательно, повысил ее языковой статус, приравняв к галло-романским, иберо-романским и другим языкам. Термин «ладинский», как это отмечается и у самого Асколи, применим не только к совокупности трех частей «ладинской зоны», то есть швейцарской и итальянских областей, но и к одной из них, а именно центральной (Трентино-Альто-Адидже в Италии). Указание же на ретийский субстрат смещало центр ладинско-ретороманской зоны из центральной (в Италии) в западную область (в Швейцарии), где жили реты.

Хотя эксплицитно смысл этого смещения акцентов нигде и никем в дальнейших работах не был раскрыт, именно оно, очевидно, определило развитие той проблемы, которая впоследствии получила название «*questione ladina*». С этим связано, вероятно, и то, что наиболее заинтересованное участие в обсуждении этого вопроса приняли итальянские лингвисты.

Считается, что начало полемики вокруг «ладинского вопроса» положил К. Сальвиони своей речью «Ладиния и Италия», произнесенной в 1917 г. на торжественном заседании в Ломбардском институте естественных наук и словесности (*Istituto lombardo di scienze e lettere*). Сальвиони присоединил всю «ладинскую зону» к Италии, определив все три разновидности ладинских говоров как ломбардские диалекты. Так по крайней мере расценил его роль В. Мейер-Любке, утверждая в предисловии к своей работе «Каталанский язык» (1925), что Сальвиони нанес удар топором — хотя и слабый — по ретороманскому зданию, возведенному мощной рукой Асколи.

Вряд ли К. Сальвиони был первым посягнувшим на ретороманскую целостность и автономность. За несколько лет до него сходные мысли высказывал К. Баттисти, ставший впоследствии ведущим теоретиком «ладинского вопроса». На эту тему Баттисти написал около десятка работ, одна из которых называется «История „Ладинского вопроса“ от истоков до наших дней».

С первых же своих работ на эту тему К. Баттисти подчеркивал мысль о том, что три основные части «ладинской зоны» не составляют «ладинского единства» (*unità ladina*) [Battisti 1937, 76]. Каждая из трех основных разновидностей ладинской речи ближе к североитальянским диалектам, чем друг к другу. К. Баттисти последовательно проводит мысль о самостоятельности (автохтонности и автономии [ibid., 73]) трех ладинских диалектных групп, которые, будучи отнесены им к итальянским диалектам, в то же время обнаруживают в разной степени определенные галло-романские черты («*i Grigioni sono più gallo-latini della Ladinia, questa più del Friuli*» [ibid., 27]). Мысль о соотношении ретороманского лингвистического ареала, с одной стороны, с итальянским, а с другой — с французским позднее разовьет Г. Рольфс в ряде своих работ ([Rohlf 1975] и др.).

Подчеркивая близость ладинских диалектов к североитальянским, К. Баттисти в то же время отмечает, что в силу особых географических и исторических условий они развивались вне итальянской культурной среды и оказались оторванными от романского мира. Тем самым он как бы подхватывает слова Асколи о «романской материи и немецком духе (*materia romana con ispirito tedesco*)» ладинского [Ascoli 1873, 2].

К. Баттисти употребляет исключительно термин «ладинский», игнорируя «ретороманский». И дело здесь не в личном предпочтении. Выбор того или иного термина — это один из существеннейших аспектов «ладинского вопроса». Собственно, сам «ладинский вопрос» как лингвистическую проблему сформулировали итальянские лингвисты, и не случайно они говорят именно о ладинском, а не о ретороманском вопросе. «Ладинский» — термин итальянских лингвистов, «ретороманский» обычно употребляется в работах германоязычных авторов. Примечательно, что если последние, предпочитая название «ретороманский» и будучи убежденными в его целесообразности, спокойно решают для себя проблему выбора термина, то итальянцы часто специально обсуждают этот терминологический вопрос с ярко выраженным «проладинским», вернее «антиретороманским», пафосом. Некоторые ограничиваются употреблением кавычек при прилагательном «ретороманский», что на фоне отсутствия таковых при других терминах приобретает особое звучание [Francescato 1972; Iliescu 1982; Pellegrini 1975]. Иногда же обсуждение термина носит весьма эмоциональный характер. Так, на-

пример, в рецензии на работу Г. Рольфса Д. Бонфанте квалифицирует термин «ретороманский» как «искусственный и антиисторичный (*creazione artificiosa ed antistorica*)» [Bonfante 1979, 178]. Отрицательное отношение к обсуждаемому термину лингвист вкладывает в карикатурный образ, язвительно замечая: «никто никогда не объявлял о том, что говорит на ретороманском — разве только какой-нибудь ученый книжный червь (*professore uscito da polverosi studi*)» [ibidem]. В полемическом задоре Бонфанте, вероятно, упускает из виду, что точно так же никто и никогда не делал подобных заявлений относительно галло-романского, иберо-романского и т. п., хотя целесообразность данных терминов в романистике не оспаривается.

Конечно, не все итальянские лингвисты пишут об этом лингвистическом ареале с такой эмоциональностью. К. Тальявини, например, употребляя в основном термин «ладинский» и квалифицируя ладинские диалекты как итало-романские, спокойно обсуждает недостатки обоих терминов. Он отмечает, что понятие «ладинский» используется в основном итальянскими лингвистами, хотя этот термин и неоднозначен (так могут называться диалекты Энгадина в Швейцарии, Доломитовых Альп в Италии и вся совокупность диалектов «ладинской зоны», согласно Асколи). Немецкие лингвисты, пишет Тальявини (правильнее было бы назвать их германоязычными, так как среди них есть также швейцарцы и австрийцы. — *O.P.*), предпочитают «ретороманский», но и этот термин не совсем точен, ибо ретийский субстрат свойствен лишь части «ладинской зоны» [Tagliavini 1962, 319].

Последнее соображение часто приводят как один из решающих аргументов против использования термина «ретороманский». Действительно, историки единодушно свидетельствуют о том, что территория Фриули никогда не входила в состав Реции, реты никогда не жили во Фриули [Красновская 1971]. Однако это обстоятельство вряд ли может иметь определяющее значение для судьбы обсуждаемого понятия. Термин «ретороманский» построен по той же модели, что и «галло-романский», «иборо-романский», «балкано-романский», где первая часть указывает не столько на субстрат, сколько на географическое положение, к тому же достаточно условно. Поэтому нет оснований отказываться от термина, который вписывается в ставшую уже традиционной классификацию романских языков. Это тем более относится к отечественному языкознанию, где «ладинский вопрос», не будучи особо обсуждаемым, как, впрочем, и ретороманская проблематика в целом и в частности (кроме М. А. Бородиной, никто всерьез не изучал этот материал [Бородина 1969; 1973]), однозначно решен в пользу «ретороманского».

Итак, «ладинский вопрос» — это вопрос о том, является ли ретороманский лингвистический ареал самостоятельной зоной на лингвистической

карте Романии или он представляет собой лишь часть итальянской зоны.

Хотя сам К. Баттисти и его сторонники в Италии не выходили за пределы лингвистики, то есть решали «ладинский вопрос» в чисто лингвистическом плане, в Швейцарии на него был дан политический ответ. Дело в том, что в годы фашизма в Италии концепция Баттисти, согласно которой разновидности ретороманской (ладинской) речи являются итальянскими диалектами, хорошо вписывалась в идеологию итальянского национализма и активно использовалась в политических целях. Политический ответ швейцарцев на этот лингвистический вопрос заключался в том, что в 1938 г. ретороманский был конституционно провозглашен четвертым национальным языком Швейцарии. По Конституции в Швейцарской Конфедерации три государственных языка: немецкий, французский и итальянский и четыре национальных: немецкий, французский, итальянский и ретороманский.

Здесь, однако, требуется важное уточнение терминологического характера. Национальным языком в Конституции признается не ретороманский, а романшский, или руманшский, представляющий швейцарскую часть ретороманского ареала (или, по терминологии Асколи, «ладинской зоны»). Можно поэтому сказать, что политическому решению, зафиксированному в Конституции Швейцарии, соответствует в лингвистическом плане признание того, что трем частям ладинской, или ретороманской, зоны соответствуют три языка: романшский (швейцарский), ладинский (тирольский) и фриульский.

Признание романшского языка в Швейцарии политической реальностью, однако, не имело и до сих пор не имеет прочной лингвистической основы. Дело в том, что за обозначением «романшский язык» стоит не собственно язык, но совокупность пяти основных вариантов, или диалектов (сурсельванский, сутсельванский, верхнеэнгадинский, нижнеэнгадинский, сурмиранский), не имеющих единой литературной нормы. Каждый из этих вариантов, или диалектов, в свою очередь представлен множеством поддиалектов, или говоров, территория распространения которых нередко ограничена одним селением. Количество разновидностей этих пяти диалектов романшского языка, по оценкам исследователей, достигает 76. Подобное лингвистическое варьирование естественно объясняется горным рельефом местности, разбросанностью населенных пунктов.

Отсутствие единого романшского языка — важное препятствие на пути реального претворения в жизнь закрепленного в Конституции статуса романшского как национального языка. Став национальным *de jure*, романшский не стал таковым *de facto*. Численность говорящих на нем постоянно уменьшается. По данным переписи населения 1980 г., на романшском говорят немногим более 50 000 человек, что составляет менее одного процента от общего населения Швейцарии.

В процентном отношении распределение говорящих на пяти основных диалектах романшского (сами романшцы называют их языками, а не диалектами) выглядит следующим образом [Le rhéto-romanche 1992]:

- сурсильванский — 55,8
- нижнеэнгадинский — 18,4
- верхнеэнгадинский — 11,9
- сурмиранский — 9,8
- сутсильванский — 4,1.

Кроме высокой степени варьирования и ненормированности, на маргинальное положение романшского в Швейцарии влияют и другие факторы. К ним относятся и отсутствие романшского культурного центра, романшской столицы (Кур, столица кантона Граубюнден, где сконцентрирован романшский в Швейцарии, — немецкоязычный город), и миграция романшского населения в индустриальные и административные центры немецкой Швейцарии, и высокий престиж и почти повсеместное присутствие (в средствах массовой информации, в системе образования и т. д.) немецкого языка — первого по числу говорящих в Швейцарии.

Нельзя не признать, однако, что усилия по оживлению, поднятию статуса романшского не прекращаются. Более того, в 80-е годы они несколько активизировались. Этим специально занимается организация «Романшская лига» («Lia Rumantscha»). Активно включены в эту деятельность немногочисленные, но полные энтузиазма романшские филологи.

Особый энтузиазм в среде романшской гуманитарной интеллигенции связан с проектом создания единого стандартного романшского языка. Попытки создания такого языка предпринимались в Швейцарии начиная с XIX в. [Бородина 1969, 23]. Однако ни одна из них не увенчалась успехом.

В 1982 г. по поручению «Романшской лиги» цюрихский профессор-ретороманист Г. Шмид разработал принципы создания единого романшского языка, который был назван Rumantsch Grischun — романшский граубюнденский (РГ). Этот язык разработан на базе трех основных диалектов: сурсильванского, нижнеэнгадинского и сурмиранского. Шмид взял на себя разработку принципиальных директив по созданию РГ, а группа лингвистов-ретороманцев применила их на практике, создав большой словарь нового языка, романшско-немецкий и немецко-романшский, и грамматику, написанную на РГ.

Разумеется, все это происходит при мощной финансовой поддержке на национальном уровне. Эта поддержка позволяет группе филологов-энтузиастов заниматься внедрением нового языка в жизнь. Хотя создавался этот язык в основном в служебных целях (его планировалось использовать, например, для надписей, объявлений в общественных мес-

тах), сфера использования РГ постепенно расширяется. При «Романшской лиге» есть специальная служба, которая занимается переводом на граубюнденский романшский текстов самого разного содержания (объявлений, инструкций, рекламных проспектов и т. д.). На новом языке публикуют комиксы для детей, в частности по истории ретороманцев, на него переводится французский сериал об Астериксе, некоторые произведения современной художественной литературы.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: кто все это читает? Кто читает книги на полуискусственном, синтезированном языке? Этот вопрос выходит за рамки ретороманского ареала, это вопрос о малых языках и литературах вообще. Важная особенность малой литературы, то есть литературы на малом языке, заключается в том, что, как пишет один из исследователей-ретороманистов И. Камартин, «у писателей малой литературы усердие и тщеславие встречаются чаще, чем талант». И далее: «...одной любви к родному языку недостаточно, есть вещи, более важные для литературной деятельности» [Camartin 1985, 159].

Именно тогда, когда усердия и любви к родному языку больше, чем таланта, возникает ситуация, когда затрачиваемые усилия в области литературной деятельности неадекватны маргинальному положению малого языка. Об этом, в частности, в сатирическом ключе рассказывает ретороманский публицист Р. Карач. Его сатира называется «Возрождение патагонцев». Перенесение места действия в Латинскую Америку никого не должно вводить в заблуждение (тем более, что написано это на романшском): всем ясно, кто такие патагонцы, о которых идет речь.

Вот как описывается литературная ситуация в романшской среде: «Патагония изобилует мужчинами и женщинами, которые пишут прозу и поэзию; еще больше там ответственных работников, экспертов, знатоков и наблюдателей, которые суетятся вокруг рукописей, предназначенных к печати. Литературных комиссий в Патагонии так же много, как деревьев в лесу. Напротив, редки, если не отсутствуют вовсе, жители, которые покупают и читают эти литературные произведения» [ibid., 182].

Описанная ситуация с литературной деятельностью на малом языке позволяет сделать вывод о том, что патетизация маргинальности и высокая степень ангажированности, неадекватные действительно маргинальному положению малого языка, могут быть не менее опасны для его социальной репутации, чем невнимание или недостаточное внимание к малому языку со стороны лингвистов, деятелей культуры и политики.

Есть ли у нового романшского языка будущее — покажет время. Пока он еще слишком молод, чтобы можно было оценить его реальные позиции в языковой ситуации Швейцарии.

Маргинальное положение малого языка на той или иной территории приводит к печальному парадоксу двуязычия, заставляющему лин-

гвистов и государственных деятелей, защищающих родной малый язык, делать это на другом, престижном языке.

Так, например, в свое время поступал Данте, когда писал трактат «О народном красноречии» на латыни. Так поступают романшские филологи, работающие над фундаментальным многотомным, академическим, по сути, словарем РГ. В этом словаре только заглавное слово в словарной статье (со всеми фонетико-орфографическими вариантами) и литературные примеры даются на романшском, сам же текст словарной статьи — толкование лексического значения, этимологические, грамматические и прочие пояснения — на немецком языке.

Возвращаясь к примеру с Данте и его трактатом, можно было бы провести следующую параллель, впрочем, чисто умозрительную. Защищая тосканское красноречие по-латыни, Данте добился желаемого: родной ему тосканский одержал верх над безусловно более престижной тогда латынью. Изучая и описывая родной романшский по-немецки, не имеют ли филологи-энтузиасты шанса преуспеть в деле изменения языковых приоритетов? Пока этот вопрос представляется чисто риторическим.

Литература

- Бородина М. А.* Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969.
- Бородина М. А.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Ретороманская подгруппа. Л., 1973.
- Красновская Н. А.* Фриулы. М., 1971.
- Ascoli G. I.* Saggi ladini // Archivio glottologico italiano. V. 1. Roma; Torino; Firenze, 1873.
- Battisti C.* La storia della questione ladina dalle origini ai nostri giorni // Pubblicazioni della R. Università degli studi di Firenze. Facoltà di Lettere e Filosofia. III serie. V. VI. Firenze, 1937.
- Bonfante G. G.* Rohlfs. Rätromanisch / Рет. // Archivio Glottologico Italiano. V. 62, 1979.
- Camartin I.* Rien que des mots? Genève, 1985.
- Francescato G.* A propos de l'unité du «rhétoroman» // Revue Roumaine de Linguistique. 1972, T. 17, № 3.
- Iliescu M.* Le «rhéto-roman» // Revue Roumaine de Linguistique. 1982, T. 27, № 2, *Le rhéto-romanche*. Coire, 1992.
- Pellegrini G. B.* Popoli e lingue nell'Italia superiore // Saggi di linguistica italiana. Torino, 1975.
- Rohlfs G.* Rätromanisch. Die Sonderstellung des Rätromanischen. München, 1975.
- Tagliavini C.* Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1962.